Морозко

Автор: Administrator
20.10.2008 12:34 -

Дивало-бывало,— жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка. Все знают, как за мачехой жить: перевернешься — бита и недовернешься — бита. А родная дочь что ни сделает — за все гладят по головке: умница.
Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела — еще до свету... Ничем старухе не угодишь — все не так, все худо.
Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймется. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.
— Вези, вези ее, старик,— говорит мужу,— куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали! Вези ее в лес, на трескучий мороз.
Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:
— Садись, милая дочь, в сани.
Повез бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.
Девушка сидит под елью, дрожит, озноб ее пробирает. Вдруг слышит — невдалеке Морозко по елкам потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху ее спрашивает:
— Тепло ли тебе, девица?
— Тепло Морозушко, тепло, батюшка. Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощелкивает:
— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?
Она чуть дух переводит:
— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка. Морозко еще ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защелкал:
— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?
Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:
—— Ой, тепло, голубчик Морозушко!
Тут Морозно сжалился над девицей, окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.
А мачеха по пей уж поминки справляет, печет блины и кричит мужу:
— Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!
Поехал старик в лес, доезжает до того места,— под большою елью сидит его дочь, веселая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около — короб с богатыми подарками.
Старик обрадовался, положил все добро в сани, посадил дочь, повез домой.
А дома старуха печет блины, а собачка под столом:
— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.
Старуха бросит ей блин:
— Не так тявкаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...» Собака съест блин и опять:
— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.
Старуха блины ей кидала и била ее, собачка — все свое...
Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идет падчерица — в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжелый. Старуха глянула — и руки врозь...
— Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...
Старик посадил старухину дочь в сани, повез ее в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит.
А Морозко по лесу потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает, на старухину дочь поглядывает:
— Тепло ли тебе, девица? А она ему:
— Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко... Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощелкивать.
— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?
—Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко... Еще ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защелкал:
— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?
— Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!
Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.
Чуть свет старуха посылает мужа:
— Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези ее в злате-серебре...
Старик уехал. А собачка под столом:
— Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут. Старуха кинула ей пирог:
— Не так тявкаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...» А собачка — все свое:
—Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...
Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мертвая:
Заголосила старуха, да поздно.